

УРОК ЛИТЕРАТУРЫ – урок сопереживания

Юрий Потолков,
доцент Брестского государственного
университета имени А.С. Пушкина,
кандидат филологических наук

Сегодняшние статьи, посвящённые преподаванию литературы в школе, полны вопросов и бедны ответами. Нет, ответов не меньше, чем вопросов, но они неубедительны. Вопросы (в разных вариациях) сводятся к одному: «Почему ученики весьма неохотно читают книги, особенно классику?». Ответы (тоже в разных вариациях) таковы: «Плохо учим. Давайте проявлять искусство общения с текстом, избегать вульгарного социологизма и т.д., у хорошего учителя никаких проблем с детским чтением быть не должно». А в чём, собственно, искусство? Об этом методики молчат. Вывод один — ответ находится в стороне от привычных принципов школьного преподавания литературы.

Выражения «учитель» и «педагог» ничего, кроме скепсиса со стороны современного общественного мышления, вызвать не могут. Ведь чтобы быть учителем, надо знать, чему учить; чтобы быть педагогом (детоводителем!), необходимо твёрдо представлять, куда именно детей вести. Оптимистический XIX век призывал

«сеять разумное, доброе, вечное». Сегодня — в мире наркотиков, терроризма, циничной эстрады и прочего духовно оскорбительного кто решится быть «сеятелем»? Или — кого человечество признает «сеятелем»? Ну, а если бы таковой и нашёлся, то какие «зёрна» для «посева» и где он найдёт? Можем ли мы вообще твёрдо сформулировать сегодняшнее понимание разумного, доброго, а тем более вечного? Но если поверить в чудо и утвердить, что всё для «посева» готово, то как быть с нынешним состоянием «почвы»? Не на «камень» ли «сеять» будем? Выходит, что если слова «учитель» и «педагог» и оставить в употреблении, но смысл их следует существенно пересмотреть.

Для этого, как думается, следует вспомнить совершенно великолепную по форме, но противоречивую по историческому содержанию песню из кинофильма Г. Александрова «Цирк» (1936) — «Широка страна моя родная». Есть там строчка «человек проходит как хозяин ...». Попробуем разобраться здесь со знаками препинания. Если запятой перед «как» не поставит, получится, что хозяин всего сущего — человек. Но если запятая перед «как» появится, то лирический герой будет проходить подобно хозяину, руководителем бытия не являясь.

Такая вот запятая... Если нет её, то слова «учитель», «педагог» правомочны и убедительны. Ну, а если «как хозяин», то проблемы возникают сразу же, поскольку в содержание художественного образа, а следовательно, и в школьную методику изучения этого образа входит не учитываемый ранее персонаж: тот, кто «управляет распорядком на земле». Значит, управляет и каждым художественным образом.

В таком выводе ничего сенсационного нет: философы подходили к нему давно. К примеру, И.А. Ильин пересказывает одну из мыслей Г. Гегеля: «Искусство рождается из Духа и в духе и потому сплетается корнями своими с природой, религией, нравственностью и философией. Откровение есть содержание искусства, и человек, эстетически творящий, есть «художник Бога»¹.

Следуя за этой мыслью, можно утверждать: мегаидею бытия, воплощённую в образе, рождает Высшая Сила. А писатель только записывает, воспроизводит. Если так, если человек только предполагает, а Бог — располагает, то правомочен ли вопрос о том, что именно хотел изобразить в своём произведении писатель? Ведь у А.С. Пушкина «Бога глас ко мне возвал...», у М.Ю. Лермонтова «С тех пор, как Грозный Судия мне дал всеведенье пророка». Вспомним поговорку: «Пока гром не грянет — мужик не перекрестится» и переиначим её: «Пока Бога глас не прозвучит, писатель книгу не напишет».

Тот, кто управляет распорядком на земле, является первосушностью, субстанцией, Логосом, Словом. Его проявление лежит в основе вещей и всего мироздания. Всевышний — «первоавтор» искусства. Его действительно имеет смысл назвать учителем и педагогом.

Взрослый приходит в класс для проповеди во имя исповеди и для исповеди во имя проповеди. Он не должен обучать юных тому, как жить. Взрослый просто должен жить, храня первосушность в себе. Ученики же пойдут за жизнью взрослого как за необходимым примером. Обязательно пойдут! Но при одном

условии: если взрослый решится произвести перед юными главную цель, стоящую перед человечеством во все времена. Цель такова: духовное и, как следствие, физическое выживание. Цель эта не придумана кем-то из людей, а проистекает из закономерностей Логоса, Первоучителя. Поэтому жить стоит в соответствии с песней из известного фильма: «Думайте сами, решайте сами: иметь или не иметь». Иметь — это духовно выживать в единстве с мировой гармонией. Не выживем — пропадём.

М. А. Врубель.
Иллюстрация
к стихотворению
А.С. Пушкина
«Пророк».
1899

Если и приходит с проповедью, то важно знать, о чём она. А она об учителе, пришедшем на урок. Человек ничего на земле иного не делает, кроме как выражает себя во имя продолжения данного ему святого права на жизнь. Как только педагог перестанет рассказывать ученикам о себе, то есть о своём мировидении, урок превратится в профанацию. Особенно драматичной

¹ Ильин И.А. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. СПб, 1994. С. 245.

окажется ситуация, если ученики заметят, что хвалу Наташе Ростовой произносит одетая по современной моде Элен Безухова.

Нынешнее литературоведение очевидно устаёт от излишнего рационализма в понимании образного содержания, предчувствует, что сама суть общения со словесным искусством на школьном уроке должна быть пересмотрена: «Подлинная глубина слова писателя-творца может раскрыться перед семилетним ребёнком. Это произойдёт если вдруг внезапно подступят слёзы к глазам — не оттого, что «книжка грустная», а от какого-то ощущения мировой гармонии, что раскроется нам через текст. [...] Филология — именно на высших своих ступенях — как дух, который «дышит, где хочет», и способен вдруг открыть нам, что нет и не может быть единственно правильных ответов и решений там, где сам поиск ответа, сам путь и есть единственно достижимая цель, потому что в конце этого пути Слово, Логос освещает его тем светом, с которым не может соперничать человеческая мысль, но в соприкосновении с которым только и может существовать она в этом мире»².

В этой достаточно пространной цитате звучит справедливое признание того «первоавтора», присутствие которого в образном содержании отстаивается и нами. Мы исходим из тезиса о том, что содержание художественного образа двоично — феноменально и субстанциально. Феноменально в образе всё то, что преднамеренно, социально обусловлено, эмпирично, рефлексивно, идеологически дифференцировано. Нравственные поиски литературы на этом уровне — это осознанные творческие усилия писателей.

В приведённой выше цитате из статьи Т. Алпатовой мы встречаемся с явлением

² Алпатова Т. Литературоведение в школе: в поисках самоидентичности // «Народное образование». № 8. 2008. С. 202.

субстанциального мышления, с нашей точки зрения, совершенно необходимого и современному литературоведению, и современной методике преподавания литературы. Под субстанциальным мышлением мы имеем в виду ощущение человеком себя личностью не только бытовой, но и бытийной, богоносной. Подобное ощущение позволит читателю увидеть и художественное воплощение Логоса. Конечно, социальное содержание художественного образа при этом ничем не приносится и не забывается. Просто — расширяются содержательные пределы восприятия литературы.

Действительно, в тексте художественного произведения проявляется не только социальная картина, но и тот уровень содержания («на высших своих ступенях»), который касается «космической мыслиесновы» образа. Социальная обусловленность литературы человекоцентрична. Но есть ещё обусловленность духовным всеединством природы, Божьим промыслом. И в этом смысле художественное содержание антропокосмично. Оно самодостаточно присутствует в литературе. С ним, как справедливо отмечает Т. Алпатова, «не может соперничать человеческая мысль».

Но если не может, то какой же путь познания образа (в его бытовании как Слова, Логоса) избрать нам на уроке литературы? Об этом пути познания пока литературоведение и методика не высказываются, закономерностей его не отмечают. Недаром и Т.Алпатова обращается к эмоциональному восприятию: «если вдруг внезапно подступят слёзы к глазам [...] от ощущения мировой гармонии».

Между тем закономерность существует, и никаких внезапностей, никаких «вдруг» при общении с художественным текстом не приемлет. В «Мастере и Маргарите» мировая гармония (в облике того, кто управляет жизнью человеческой и всем вообще порядком на земле) вовсе не выступает как исключительность, удивительность.

Человеку остаётся (сохраняя личную и социальную свободу) признать свою неукоснительную подчинённость Высшей Силе. Итак, закономерным состоянием любого человеческого деяния (в том числе и читательского общения с литературой) должна быть эмпатия, иначе говоря — сопереживание.

Эмпатия — термин, который встречается в гуманитарных науках всё чаще, но употребляется, на наш взгляд, чаще всего вульгаризованно, т.е. трактуется как один из приёмов познания действительности, как явление, зависящее от воли исследователя. Согласно такой упрощённой позиции, стоит только представить себя на месте персонажа, условно стать на его позиции — вот тебе и эмпатия.

С нашей точки зрения, такое толкование термина «эмпатия» неприемлемо. Со Словом в прятки не поиграешь и с Логосом в беседу не вступишь, поскольку с ними действительно не может соперничать человеческая мысль. Эмпатия — это всевышняя идея мировой гармонии, на которой основано подвижное соединство всего сущего. Сопереживание на бытовом уровне может быть понято как синоним слову «сочувствие». Но на уровне мировой гармонии оно демонстрирует своё принципиальное от сочувствия отличие. Сочувствие зависит от воли человека: хочу — сочувствую, хочу — нет. Сопереживание же первосущностно, оно от воли человека не зависит, а определяется теми общими обстоятельствами, в которых люди оказываются: прохожие под дождём; очередь на приём к врачу; ощущение того, что все мы смертны, и т.д.

То есть в каждом художественном образе присутствует содержание, которое уравнивает учителя, ученика и литературного персонажа в единой зависимости от мировой гармонии. В таком случае художественное произведение начинает выступать в качестве, ранее не замечаемом. Скажем, на вопрос: «Кого в романе «Мастер и Маргарита» Вы считаете центральным персонажем?» — ученики и студенты-филологи, как правило, называют тех героев, для определения которых никакого сопереживания не требуется (но необходимо сочувствие): Воланд, Мастер, Маргарита, Иешуа... Между тем, с точки зрения субстанциальной все эти ответы недостаточны. Эмпатическая методика

центральным персонажем считает того, кому в сюжете больше всего. Ведь литература — это человеческая боль, воплощённая в художественном образе. Именно и только боль, поскольку радость — это преодолённая боль.

С эмпатической точки зрения центральным персонажем романа М. Булгакова оказывается грудное дитя, задушенное несчастной Фридой. Перед ним виноваты все персонажи романа, включая и праведного Иешуа. Но важнее всего то, что перед этим новорождённым испытывают равные муки совести и все читатели. То есть первостепенная задача литературы состоит вовсе не в поучениях, и не в том, чтобы принести воспринимающему чувство душевной роскоши, а в том, чтобы будить человеческую совесть. А если это так, то сопереживательная методика преподавания литературы предполагает определённую этическую программу. Обратимся к некоторым её пунктам.

Художественное произведение повествует не о ком-то и чём-то внешнем по отношению ко мне, читателю, а именно обо мне. «Подглядывать» со стороны за тем, как живут, мучаются или радуются виртуальные люди в сюжете, — безнравственно. Сюжет не связан со мной лишь внешне. Глубинно же он может быть воспринят мною только при условии сопереживания, при котором я ответствен перед персонажем, как и персонаж передо мной. Я не пойму, не почувствую перепетий «Слова о полку Игореве», если не увижу, что неизвестный древнерусский автор рассказывает мне о своих и, главное, о моих собственных необдуманных «походах» в жизни. Как же мне читать «Слово», если оно не обо мне? А в этом произведении кто центральный персонаж? Ответ на этот вопрос без общения с мировой гармонией, без мучений сойти не отыскать. Не сразу и не легко обнаруживаются главные слова гениального памятника XII века: «Игорь идёт по Боричеву ко святой Богородице Пирогощей».

Ученики ищут и находят ответ, почему, освободившись из плена, князь в первую очередь едет не к молодой красавице жене, не к отцу Святославу-князю Киевскому, а к иконе. Текста молитвы в «Слове о полку Игореве» нет, но именно он-то и оказывается центральным персонажем «Слова...». В этом смысле можно утверждать, что этого памятника «не читал» никто. Но ясно одно: путь Игоря ко Святой Богородице Пирогощей — это и мой (Ваш, её, его) жизненный путь. Каждая отдельная человеческая жизнь — это путь и Богородице через необдуманные «походы», через «плен», в свете солнечных затмений и в ласке любовного чувства Ярославны.

Ученики мало читают потому, что не ощущают сюжет как рассказ о себе. Если же школьник будет приходить на урок литературы для того, чтобы через произведение познать самого себя, он будет читать, как жаждущий выздоровления старается принять все необходимые лекарства. К себе возможно прийти только через сопереживание.

Безнравственны, на наш взгляд, оценочные суждения о поведении персонажа: «Как вы относитесь к поведению Анны Карениной?». А кто, собственно, даёт нам право на такую оценку? Сказано же: «Не судите да не судимы будете». Из романа — на уровне субстанции — явствует: любить — трудно, даже — опасно, если, конечно, речь идёт о любви «на высших её ступенях» (Т. Аллатова). В романе Л.Н. Толстого представлена трагедия правды в мире лжи. Ученику честно и прямо открывается: хочешь подлинной любви — готовься к сложнейшей душевной борьбе. А вот если безлюбить — от трудностей освободишься. Что же: так многие живут...

Сопереживательная позиция на уроке литературы требует соблюдения не только прав персонажа на достоинство, но и подобных же прав писателя. Как часто мы касаемся фактов личной жизни человека, написавшего изучаемое произведение, цинично, на уровне «жёлтой прессы». То есть сопереживание разрушается.

Словом, перед современной методикой преподавания литературы и перед литературоведческой наукой стоит со всею остротой вопрос этического свойства. Разделив персонажей на «отрицательных» и «положительных», мы напрочь лишим ученика способности сопереживательного диалога с персонажем. Скажем, Илья Ильич Обломов по сей день воспринимается как воплощение сонной бездеятельности. Но ведь этот персонаж в самой фамилии своей несёт драму: он — «обломан»: уже не помещик, но ещё не буржуа. А при этом он — Илья, что в переводе означает «Крепость Божия». А Полиграф Полиграфович Шариков? С какой уверенностью мы относим эту жертву бездумного эксперимента к числу безликих посредственностей!

³ Булгаков М. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. Мн., 1991. С. 299.

Но почитаем текст эмпатически. Вот Шариков спорит с профессором Преображенским:

«— Что-то вы меня, папаша, больно утесняете, — вдруг плаксиво выговорил человек.

Филипп Филиппович покраснел, очки сверкнули.

— Кто вам тут папаша? Что это за фамильярности? [...] называть меня по имени-отчеству!

Дерзкое выражение загорелось в человечке:

[...] Что вы мне жить не даёте?! И насчёт «папаша» — это вы напрасно. Разве я просил мне операцию делать?» [3, с. 299].

Что в этом диалоге рассказано обо мне (о Вас, о ней, о нём)? Встречал ли я властного Преображенского? А может, и сам был таким Преображенским? Из диалога ясно: гений в области физиологии Филипп Филиппович абсолютно бездарен в смысле общения с человеческой личностью. Его эксперимент в этическом смысле гораздо кощунственнее, чем революционные упражнения комиссара Швондера. Человечество оставило Швондеров в прошлом, а вот Преображенские сегодня набирают силу. Не оказываемся ли таковыми иной раз и мы, педагоги? Сколько «операций» производила над учениками школьная методика в разные годы, да и сегодня производит?

Итак, новых слов вместо определений «учитель» и «педагог» человечество ещё не создало, хоть необходимость в новых словах ощущается всё острее. Нам нужно договориться о том, что жизнь (не только реальная, но и виртуальная, сюжетная) — это прежде всего не смена событий, а движение духовных состояний субстанциального уровня. Следовательно, взрослый приходит в класс не столько для того, чтобы учить, сколько — чтобы учиться, не столько спасать, сколько — спасаться. И в этом нет никакого подрыва учительского авторитета. Да, бывают учителя-«артисты», есть «людоведы и душелюбы», есть «литературоведы». Бывает и педагог-«свой парень». Все мы — разные. Но в этих ли стилистических различиях дело?

Что было бы с мировой историей, если бы Иисус Христос в своём пути на Голгофу бросил крест в сторону, признал правоту Пилата и слился бы с праздничной толпой? Сопереживание, эмпатия — это не очередная педагогическая новация, а смысл Божьего промысла, сущность бытия на все времена. Уроку литературы необходимо субстанциальное мышление. Только сообщество людей, принимающих сопереживание как безальтернативный этический императив бытия, способно к жизни. Другого пути нет.

Н.Н. Ге. Что есть истина?
1890